

ПЕРЕПИСКА

МИХАИЛ МЕЙЛАХ:

«НЕПРИЕМЛЕМЫЕ ДЛЯ МЕНЯ РАМКИ, В КОТОРЫЕ МЕНЯ СТАВЯТ, ПОЛОЖИЛИ КОНЕЦ ЛЮБЫМ МОИМ ОТНОШЕНИЯМ С ЭТОЙ УНЫЛОЙ СОВЕТИЗИРОВАННОЙ КОНТОРОЙ»

Ответ директору музея «Пермь-36»

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы продолжаем следить за ситуацией с музеем «Пермь-36». Сегодня мы публикуем открытое письмо видного диссидента, бывшего узника ИТК «Пермь-36» Михаила Мейлаха, который пытался сотрудничать с нынешней администрацией музея политических репрессий. Вот что из этого вышло...

Перед Новым годом я получил письмо от нынешнего директора музея «Пермь-36» (в зоне, где я когда-то был зеком) — ставленницы пермских и московских властей, «спущенной» туда взамен неправедно изгнанных основателей музея — супругов Шмыровых, энтузиастов и профессионалов, которые были его душой.

Изгнаны они были в процессе борьбы властей против музея истории политических репрессий, для которых он, вместе с ежегодными фестивалями «Пилорама», собиравшими старых зеков, диссидентов и просто порядочных и заинтересованных людей, был костью в горле. Сначала официально заявлялось, что там сидели одни бандеровцы и фашисты, затем там собирались сделать музей репрессий со времен царя Гороха, чтобы ГУЛАГ в нём занимал какое-нибудь самое малое место. Музей как таковой усилиями многих людей, среди которых был и я, но прежде всего благодаря М.Б. Пиотровскому, который добился включения его в Совет музеев, удалось отстоять: всё стоит, ветшая, на своих местах, но это уже не тот музей, что был при Шмыровых, а музей, насильно огосударственный путем «рейдерского государственного захвата», включая захват имущества.

Большинство старых коллег и друзей Шмыровых музей бойкотируют, но я, с большими сомнениями и скрепя сердце, принял предложение его «научного руководителя» проконсультировать музей исключительно в отношении фактов и ради посетителей, поскольку я, кажется, оставался едва ли не единственным заключенным этой зоны, который всё ещё туда наведывался и был в состоянии рассказать, «как это было», исправлять ошибки и давать советы. Я не собирался ни на что влиять и ни в чём участвовать, кроме уточнения фактов, что и проделал единственный

раз, наговорив для видеозаписи то, что считал полезным поведать — кажется, мои комментарии где-то в музее экспонируются.

Спустя полгода, под Новый год, я получил письмо, подписанное директором музея, со странным названием «О благодарности». Оно гласило:

«Уважаемый Михаил Борисович, выражаем вам искреннюю благодарность и глубокую признательность за научное сотрудничество. Надеемся на дальнейшее сотрудничество и плодотворную работу в рамках концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий».

Это письмо вызвало во мне негодование, и я ответил следующее:

«1 января 2018»

Тов. Семакова, ваши надежды «на дальнейшее сотрудничество и плодотворную работу в рамках концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» в отношении меня нереалистичны и, более того, глубоко оскорбительны. Поясню почему.

Осуществляя эту насковзь лицемерную «государственную политику», трусливые пермские власти под ложными предлогами выкинули из созданного ими музея высокопрофессиональных специалистов Виктора Шмырова и Татьяну Курсину и заменили их на своих назначенцев... Я согласился проконсультировать музей... Разумеется, не только не «в рамках концепции государственной политики», как и вообще вне каких-либо навязываемых мне рамок, сообщаясь лишь со своей памятью и памятью о своих товарищах. Именно за несовместимость с любыми подобными рамками я в своё время и попал в эту зону.

Подлинное отношение к жертвам террора в полной мере продемонстрировало недавнее радостное празднование драконского столетия со дня основания «чрезвычайки». Те же, кто

Михаил Борисович Мейлах — филолог, критик, переводчик, журналист. В 1962–1967 годах учился в Ленинградском университете, кандидат филологических наук (1970), в 1970–1975 годах — научный сотрудник Института языкознания АН СССР. Один из первых исследователей и первый публикатор литературного наследия Даниила Хармса и Александра Введенского.

29 июня 1983 года арестован в Москве. 29 апреля 1984 года приговорен Ленинградским городским судом к семи годам лагерей строгого режима и пяти годам ссылки. Срок отбывал в пермском ИТЛ. В феврале 1987 года освобождён.

С 1994 года преподавал в различных университетах Франции и Италии. С 2000 года — профессор Страсбургского университета. Живёт в Страсбурге и Петербурге.

сегодня действительно занимаются увековечением памяти жертв политических репрессий, или выбрасываются вон, как супруги Шмыровы, или попадают по сфабрикованному обвинению за решётку — как благороднейший глава карельского «Мемориала» Юрий Дмитриев, а на сам «Мемориал» «государственная политика» навешивает ГПУшную этикетку «иностранный агент». За последние пятьсот лет и тем более — за сто лет — все эти «рамки» и «концепции» по существу нисколько не менялись, с короткими просветами в эпохи оттепели и перестройки.

Интересно было бы узнать, как определены эти «рамки», то есть ограничения, сегодня. Если в эпоху сталинского террора «спускались» разрядки по районам, не меньше какого числа невинных

людей надо расстрелять или посадить, то сейчас, очевидно, «концепция государственной политики» определяет, не больше какого числа можно «увековечить»? Юрий Дмитриев в эти рамки явно не уместился, и вот расплата.

Оставляя вас в сих «рамках», с которыми я не могу иметь ничего общего,

Михаил Мейлах»

Если для какого-нибудь музея римских мозаик фраза о государственной политике и могла бы показаться пусть одиозной, но ничего не значащей формулой, то в данном случае, и особенно учитывая историю вопроса, она насыщена значением самым зловещим. Из письма директора я понял, что

Окончание на стр. 2

В НОМЕРЕ

«АГСные» Соловки

...Условия там были суровые, если не сказать — экстремальные. Жили в палатках, в жару в них было душно, а в холод они мало согревали, погода же на Соловках очень переменчива. На лесосеке от несметных полчищ мошкар и комаров не спасали даже противомоскитные сетки. Но никто из ребят не подкачал.

Ирина Кизилова рассказывает об одном ярком эпизоде становления альтернативной гражданской службы в России.

Стр. 2

Слово получает читатель

Мы открываем серию публикаций, в которых об истории политических репрессий в России рассказывают наши читатели. Первым получает слово в нашей газете Пётр Иванович Бондарчук — гражданский активист, председатель Пермского городского общества защиты прав потребителей.

Стр. 3

С клеймом и волчьим билетом

Ещё будучи школьником, он получил клеймо сына «врагов народа». Его отца, красноармейца времён Гражданской войны, начальника управления коммунального хозяйства города Таганрога, арестовали по ложному доносу и в 1938 году расстреляли. Вскоре посадили и мать. В 14 лет он остался один.

Михаил Танич — поэт-фронтовик, сын «врага народа».

Стр. 3

Юбилей основателя

После выхода на пенсию («покой нам только снится») окупился в кипучую общественную работу: в 1994 году основал в городе отделение общества «Мемориал» и почти четверть века являлся его руководителем.

Краснокамское отделение общества «Мемориал» от души поздравляет с 90-летием своего основателя Василия Ильича Докукина.

Стр. 4

Юбилея января

Правление Пермского «Мемориала» от души поздравляет юбиляров — мемориальцев, бывших репрессированных и их родственников, которые отмечают круглые даты.

Стр. 4

МИХАИЛ МЕЙЛАХ: «НЕПРИЕМЛЕМЫЕ ДЛЯ МЕНЯ РАМКИ, В КОТОРЫЕ МЕНЯ СТАВЯТ, ПОЛОЖИЛИ КОНЕЦ ЛЮБЫМ МОИМ ОТНОШЕНИЯМ С ЭТОЙ УНЫЛОЙ СОВЕТИЗИРОВАННОЙ КОНТОРОЙ»

Окончание. Начало на стр. 1

дирекцию обновлённого музея интересовали вовсе не мои консультации, и что я сделал серьёзную ошибку, согласившись на фактологическую помощь, но не понимая тогда, что стану объектом манипуляции: мое имя, как бывшего зека этой зоны, будет использовано для легитимизации представляемой дирекцией «концепции государственной политики».

Моих уточнений и поправок дирекции оказалось мало, ей понадобилось представить меня прямым участником этих «концепций». Подобным же образом, как я понимаю, используются и имена уважаемых гостей, которых старается завербовать руководство — например, посетивших зону Александра Сокурова, чьи отзывы, впрочем, были весьма осторожными и сдержанными, а совсем недавно и Натана Щаранского (его разговор с сотрудничающим с дирекцией журналистом опубликован лишь в пересказе последнего). К счастью, поглядев на список

членов музейного Совета, куда меня тоже тянули, и где, в частности, нет ни одного профессионального музейного специалиста, в него я вступить отказался.

Что касается профессионализма, то полностью непрофессионально, например, произведена реставрация особой зоны. Выставки в музее посвящаются чему угодно — Колыме, Воркуте (это было когда-то давно и где-то далеко — сталинские «перегибы») — всему, кроме истории, быта и судеб обитателей зоны «Пермь-36» и соседних политзон, злоупотреблений КГБ и много другого. И это понятно: как же может быть иначе в настолько государственной зоне-музее, где камни вопиют, а надо «в рамках концепции государственной политики» заткнуть им рот? Поэтому в полностью сохранившемся карцере не найдёшь доски памяти чудесного армянского мальчика, который там повесился, и даже пояснения, что такое пониженная норма питания для там находящихся

ся, а в бараке — какая была температура зимой (а именно +6, поскольку большая часть тепла выводилась из кочегарки за зону по жилищам ментов).

Но это — ответственность уже «научного руководства», а возвращаясь к директору — функционеру-марионетке, которая сама ничего не решает, а управляется из Перми, а в конечном счёте из Москвы, вспоминаю, как, в первый раз приехав в новый музей-паллиатив, ставший государственным, я сказал кассирше, что я бывший зек этой зоны, и полагаю, что билет мне не нужен (дело, конечно, не в 100 рублях). Кассирша со мной не согласилась и позвала ту самую директрису, для которой, казалось бы, я должен представлять некоторый интерес, но которая от меня шарханулась, бесплатный вход все-таки разрешила и, не сказав ни слова, побежала, по-видимому, звонить за указаниями и больше не появлялась. Зато теперь она «надеется на сотрудничество

«в рамках концепции государственной политики». Маленький эпизод — упоминаю его, чтобы показать, что мнения мои не предвзятые, а основаны на личных впечатлениях и опыте.

Итак, повторюсь, неприемлемые для меня рамки, в которые меня ставят, положили конец любым моим отношениям с этой унылой советизированной конторой. Откликаясь на предложение о фактологической консультации для музея, из которого хамски выбросили и затем преследовали нелепыми исками моих друзей Шмыровых, я, конечно, испытывал чувство неловкости и перед ними, и перед бойкотирующими музей друзьями и союзниками, с которыми мы вместе вели безнадежную борьбу за его сохранение, но, каюсь, я полагал, что ради «дела» это простительно. Теперь же, когда достигнуто главное, но единственное, чего можно было тогда добиться — музей-паллиатив сохранён хоть в каком-то виде, всякому разумному человеку следует, с моей точ-

ки зрения, от него дистанцироваться, оставив проводить «концепции государственной политики» назначенцев в ожидании лучших времен, когда он не будет всё той же костью в горле для власти — наследнице чекистской, и сможет, подобно музеям Германии или Польши, в полной мере свидетельствовать о преступлениях, совершавшихся в нём, и именно в нём и других политических зонах.

Остается добавить, что директор музея, ещё, видимо, не получившая инструкций по поводу моего «ответа Чемберлену», оставила его без ответа, зато «научный руководитель», попытавшись поначалу оправдать директора, затем, взломав не предназначавшийся ей список адресатов, одним из них ей случайно пересланный вместе с моим письмом, разразилась по его поводу злобой истерической бранью.

Михаил Мейлах

Публикуется с разрешения автора и отражает исключительно его мнение

МОЛОДЁЖЬ

«АГСные» Соловки

В начале XXI века никакой альтернативной гражданской службы (АГС) в нашей стране ещё не было, как не было и закона о ней, хотя российской Конституцией она была предусмотрена. Подавляющее большинство депутатов тог-

дашней Государственной думы не хотели принимать этот закон, ссылаясь на то, что в России нет подобных прецедентов официальной замены военной службы гражданской, нет модели её прохождения... Так мы вам предоставим эту мо-

дель! — решили пермские мемориальцы и вместе с рядом других правозащитных организаций начали создавать её. Как это проходило, подробно описано в книге «Альтернативная гражданская служба. Пермский эксперимент».

В конце работы над экспериментом мы поехали на Соловецкие острова — те самые, что расположены в акватории Белого моря в 150 километрах от Полярного круга. Там усилиями двух благотворительных фондов — «Социальное партнёрство» и «Сострадание» — был организован первый летний лагерь добровольного труда для «альтернативщиков» под названием «Соловки-АГС-2000», в нём собралось 40 человек со всех концов страны. Нас, пермяков, было двенадцать: десять претендентов на АГС, психолог Глеб Леонидович Иванов и автор этих строк. Нашей задачей было отработать экстерриториальный (то есть за пределами своего региона) способ прохождения АГС.

Позже об этом уникальном лагере его участники напишут стихи, песни, восторженные отзывы в газетах. Там действительно всё для нас было необыкновенным: и постоянно меняющаяся окраска облака на необъятном куполе неба, и замшелые стены древнего Соловецкого кремля, знавшего много тайн, навсегда ушедших в минувшие века, и загадочные лабиринты из камней на земле, неизменно кем разложенные тут и там по Соловецкому архипелагу.

Но самое главное — ребята прикоснулись к трагедии десятков тысяч узников, согнанных на Соловки с огромного пространства бывшего Советского Союза по чудовищной прихоти его вождей. Соловецкие острова тесно связаны с историей ГУЛАГа — Главного управления лагерей, в которые отправляли людей, репрессированных большевиками. С Соловков эта история и начиналась, точнее, с орга-

низации здесь СЛОНа — Соловецкого лагеря особого назначения, ставшего настоящей голгофой для многих невинных людей.

Мы, участники АГСного лагеря, с замиранием сердца слушали рассказы сотрудников музея ГУЛАГа, действующего на территории Соловецкого кремля, тогда ещё не переданного обратно в лоно Русской православной церкви, бродили по монастырским кельям в его толстокаменных стенах со следами, оставленными сидевшими в них узниками, взбирались на Секирную гору, где было самое страшное для заключённых пыточное место... Это оставило глубокий след в юных душах, учило их понимать сложность истории своей страны, вызывало желание знать всё, а не только победные её страницы.

В то же время наш лагерь решал и чисто утилитарные задачи. Его руководители искали ответы на вопросы, похожие на те, которые мы ставим у себя в Перми, но с поправкой на экстерриториальность. Так, важно было определить, сколько может стоить проживание, питание, обучение АГСников вдали от дома, как организовать их работу и досуг, как контролировать трудовую дисциплину, как лечить, если кто-то заболел, и тому подобное.

Главная задача молодых участников лагеря была заготовить на зиму дрова для местных малообеспеченных престарелых жителей. Для этого сначала надо было повалить деревья в лесу, затем перевезти их в посёлок, распилить, развести по домам, а там — нарубить и сложить в поленницы.

Пермские парни участвовали во всём этом процессе от начала до конца. На лесоповале наши ребята провели почти две недели. Их официально оформили лесорубами в бригаду местного лесхоза, а я в их бригаде была поваром, тоже официально оформленным — варила супы и каши на костре посреди лесной поляны.

Условия там были суровые, если не сказать — экстремальные. Жили в палатках, в жару в них было душно, а в холод они мало согревали, погода же на Соловках очень переменчива. На лесосеке от несметных полчищ мошкар и комаров не спасали даже противомоскитные сетки. Но никто из ребят не подкачал, а особенно лихо управлялся с бензопилой, привезённой из Перми, Вася Жигалов, самый младший из нашей группы — ему только-только исполнилось 19 лет.

Забегая вперед, скажу, что каждый из участников пермского эксперимента получил на официальных бланках благодарности — от администрации посёлка Соловецкий, от руководства местного лесничества, от поселкового совета ветеранов войны и труда — и много-много неофициальных благодарностей от самих жителей посёлка, которые благодаря участникам лагеря встретили зиму с запасом бесплатных дров.

А как здорово было слушать вечером у костра песни Володи Аксёнова под гитару! И как замечательно Серёжа Селедков изображал старушку, подопечную АГСников, на концерте в поселковом клубе!

Мы уезжали с Соловков, гордые тем, что выдержали это серьёзное испытание. Увози-

ли с собой сувениры. Один из моих — деревянная ложка, на черенке которой выжжено: «Соловки-2000», а внутри черпачка изображён, тоже способом выжигания, Соловецкий кремль ещё без креста над шпилем главного храма.

С тех пор мне ни разу не удалось побывать на Соловках, а хотелось бы. Говорят, там многое изменилось, всем управляет РПЦ — теперешняя хозяйка кремля, да, по сути, и всего острова. Сохранение памяти о страшной ГУЛАГовской истории Соловков не входит в её приоритеты.

Своим участием в том соловецком волонтерском лагере ребята самоотверженно торили путь к альтернативной гражданской службе в России. Отработанная в ходе эксперимента модель АГС легла в основу проекта федерального закона, внесённого в Государственную думу. В 2002 году он был наконец-то принят, а в 2004-м вступил в действие. С тех пор у российских призывников

есть законное право выбирать один из путей служения Отчеству — военный или АГСный, без оружия в руках. Сегодня в стране альтернативно служат около тысячи молодых людей, каждый двадцатый из них — житель Пермского края. Нельзя сказать, что все претенденты даже сейчас легко проходят путь от подачи заявления о замене военной службы до начала службы гражданской, на этом пути ещё много разных препон. Преодолеть их ребятам, как всегда, помогают сотрудники нашего «Мемориала».

А сувенирную ложку я передала в Нытвенский музей ложки. Можно сказать, оторвала от сердца. Она дорога мне как память о той поездке, о всём трудном пути внедрения альтернативной гражданской службы в России.

Ирина Кизилова,
руководитель общественной
правозащитной приёмной
Пермского краевого отделения

НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

СЛОВО ПОЛУЧАЕТ ЧИТАТЕЛЬ...

Мы открываем серию публикаций, в которых об истории политических репрессий в России рассказывают наши читатели

Первым получает слово в нашей газете **Пётр Иванович Бондарчук** — гражданский активист, председатель Пермского городского общества защиты прав потребителей. Родился он, ни много, ни мало, в 1932 году. Позади огромная жизнь, которая вместила в себя войну и голодное детство, тяжёлый труд и, несмотря ни на что, постоянную тягу к самообразованию.

В 2012 году Пётр Иванович получил почётный знак «Волонтер Прикамья». Он получил почётную награду за то, что на про-

тяжении многих лет успешно оказывает помощь пожилым людям и ветеранам. Известность в крае он приобрёл не только своими правовыми и информационными консультациями, но и прецедентными судебными победами в интересах как ветеранской общественности, так и простых пермяков всех возрастов. На его счёту большое количество дел по ликвидации нарушений прав в самых разных сферах повседневной жизни граждан: льготы, ЖКХ, транспорт, благоприятная окружа-

ющая среда, действия монополистов, приобретение товаров и услуг и т.п.

У Петра Ивановича всегда свой взгляд на окружающую жизнь, на переживаемые нами проблемы, наконец, на историю нашей страны. На протяжении многих лет Пётр Иванович остаётся автором многих местных изданий, он щедро делится с читателями своими размышлениями о пережитом.

Редакция «Вестника Мемориала»

С КЛЕЙМОМ И ВОЛЧЬИМ БИЛЕТОМ

Михаил Танич — поэт-фронтовик, сын «врага народа»

«Даже с кошкой своей за версту приходилось встречаться коту»... Эта фраза взята из правдивой песни «Чёрный кот», слова для которой написал поэт Михаил Танич. Его жизнь сложилась не менее печально, чем у его героя — чёрного кота.

Ещё будучи школьником, он получил клеймо сына «врагов народа». Его отца, красноармейца времён Гражданской войны, начальника управления коммунального хозяйства города Таганрога, арестовали по ложному доносу и в 1938 году расстреляли. Вскоре посадили и мать. В 14 лет он остался один.

Получив аттестат зрелости в 1941 году, Михаил (ещё не Танич, а Танхилевич), сам пошёл в военкомат, окончил Тбилисское артиллерийское училище, был командиром противотанкового орудия, лично подбил несколько вражеских танков, прошёл путь от Белоруссии до Эльбы. В 1944 году был тяжело ранен и чуть было не похоронен заживо в братской могиле. Был награждён орденами Отечественной войны первой степени, Красной звезды, Славы третьей степени и 15 медалями.

В наградном листе с представлением к награждению орденом Красной звезды от 18 января 1945 года указывалось:

«В бою за Клауспуссен 12.01.45 орудие сержанта Танхилевича под сильным артиллерийским огнём противника уничтожило две пулемётные точки и два блиндажа. В оборонительных боях при Приэкуле 27.12.44, когда весь расчёт Танхилевича вражеским снарядами был выведен из строя, командир орудия Танхилевич, несмотря на ранение и контузию, не оставил орудия, покамест не была оказана помощь всем пострадавшим, уйдя от орудия последним...»

В 1947 году он был арестован по подозрению в антисоветской агитации. В неволе провёл шесть лет. Через много лет он сказал в телеинтервью:

«Я отсидел шесть лет в одном из самых жутких сталинских лагерей за какую-то ерунду, анекдот, слово... Сидел по статье 58.10, антисоветскую пропаганду. Например, спросил я вас: «Почему сегодня хлеб не привезли?» — и этого было достаточно для обвинения».

О том, что привело в места столь отдалённые, Михаил Исавич вспоминает с горечью:

«Ко мне подослали стукача, сына уважаемого профессора-онколога, да ещё и воевавшего. Парень не вызывал подозре-

ний. То, что у него было много денег, мы объясняли большой отцовской зарплатой. Я был тогда студентом Ростовского инженерно-строительного института. Без малого год вместе выпивали, и он записывал для органов всё, о чём мы с другими студентами говорили. Позже узнал, что сверху спустили установку: придут с войны солдаты, будут рассказывать, какие в Германии дороги и техника, им надо было прищемить языки.

У меня был радиоприёмник «Телефункен», о которых в стране тогда и не мечтали. Я как-то сказал, что тот радиоприёмник лучше наших. Я и двое друзей, тоже фронтовиков, по доносу и «загрести» в 1947 году. Специальную формулу придумали: «Восхваляя жизнь за границей и возводил клевету на условия жизни в Советском Союзе». Забрали меня ночью в тот же ростовский НКВД, где когда-то расстреляли моего отца. Следователь бросил в лицо: «Яблоко от яблони недалеко падает».

Сначала попал в так называемую внутреннюю тюрьму с жесточайшим режимом, где человеку не давали даже прилечь. Допрашивали по ночам. Испытал на себе пытку бессонницей, она продолжалась десять дней, после чего подписание требуемых следователем показаний.

Шесть лет, вплоть до смерти Сталина, провёл в тайге под Соликамском — столицей так зазываемого Усольяга. Всё могло кончиться очень печально: весь этап, с которым я прибыл в Соликамск, до одного погиб на этом проклятом лесоповале.

Мне повезло: художник с мировым именем Константин Ротов, тоже ээк, бывший до ареста главным художником журнала «Крокодил» и первым иллюстратором романов Ильфа и Петрова «12 стульев» и «Золотой телёнок», взял меня в бригаду, которая оформляла в зоне наглядную агитацию. Константин Павлович отбыл восьмилетний срок по статье Особого совещания «ПШ» — «подозрение в шпионаже». Но туберкулёз я всё-таки заработал...

Освободился я за несколько дней до смерти Сталина. Вместо паспорта мне выписали справку: «Статья уложения «минус 39», что означало: три года в десятках городов жить мне было запрещено. Человек с волчьим билетом. Позднее выдали паспорт на двух страницах.

После лагеря работал на стройках, числился маляром, разнорабочим — оформить меня на инженерную должность было нельзя. Работал на шлюзах Волго-Донского канала, на Сталинградгидрострое в городе Волжском. Там встретил свою Лидочку».

Можно с уверенностью сказать, что эта встреча резко изменила дальнейшую жизнь поэта. Лидочка — это Лидия Николаевна Козлова, которая первой положила его стихи на музыку и со временем стала сама поэтом-песенником и женой Танича. Жили лет 15 тяжело, на съёмных квартирах, даже в подвале с земляным полом, где две их дочери спали в коробках от макарон.

Благодаря Лидии Козловой публикации Танича по-

явились в столичных изданиях, а первой звёздной песней будущего народного любимца стал шлягер «Текстильный городок», написанный в соавторстве с Яном Френкелем. После того, как песню исполнила популярная певица Майя Кристалинская, она стала едва ли не народной. В число шлягеров попала и песня «Чёрный кот».

О том периоде своей жизни Танич сказал так:

«Успех окрылил меня. Без всякой раскрутки народ запел мои песни. И пошло-поехало: с Френкелем мы написали «Ну что тебе сказать про Сахалин?», с Шаинским — «Идёт солдат по городу», с Колмановским — «Мы выбираем — нас выбирают». Десятки других песен. За сорок с лишним лет работы в эстрадном жан-

ре мне не стыдно ни за одну свою песню. К тому же каждый день — на улице, в магазине — я ощущаю на себе любовь простых людей, а это для меня выше всех орденов и званий».

Песни на слова Михаила Танича уже были в репертуаре самых популярных артистов — Клавдии Шульженко, Муслима Магомаева, Иосифа Кобзона, Эдиты Пьехи, Аллы Пугачёвой, Валерия Леонтьева, Ларисы Долиной, Юрия Антонова.

В память о годах, проведённых на лесоповале, Танич в 1990 году создал группу, которую назвал «Лесоповал». Для неё он думал написать десяток песен «о воле и неволе», а написал... более трёхсот!

Пётр Бондарчук

КРУГЛАЯ ДАТА

ЮБИЛЕЙ ОСНОВАТЕЛЯ

Краснокамское отделение общества «Мемориал» от души поздравляет с 90-летием своего основателя Василия Докукина

Василий Ильич Докукин известен в Краснокамске и во всём Пермском крае своей педагогической, просветительской, общественной деятельностью. Он известен и как поэт-лирик, автор биографических поэм, стихов о природе, о любви. В своих стихах он предстаёт человеком духовно богатым, тонко и глубоко чувствующим красоту.

Прочный личностный фундамент — внутренняя гармония, стойкость, убеждённость в своей правоте, уверенность в знаниях, мастерстве — закладывался у Василия Ильича с раннего детства родителями: мастером на все руки отцом Ильёй Григорьевичем и любящей мамой Агриппиной Ивановной. История семьи Докукиных типична для миллионов российских семей первой половины XX кроваво-красного века. Василий родился 8 января 1928 года в деревне Сарсаз-Горы Мензелинского района республики Та-

тарстан в большой крестьянской семье (отец, мать и пятеро детей), которая была раскулачена и выселена из деревни за отказ отца вступить в колхоз.

Василий Ильич с отличием окончил Мензелинское педагогическое училище в 1952 году, причём за три года вместо положенных четырёх. Как отличник, без экзаменов был принят в Елабужское педучилище и окончил его в 1954 году, а позднее заочно окончил в Елабуге и педагогический институт. С 1954 по 1957 год работал учителем математики в сельской школе в Татарстане. В 1957 году Василий Ильич переехал к родственникам в Краснокамск, где работал заместителем директора, затем директором средней школы рабочей молодёжи Камского целлюлозно-бумажного комбината, более 20 лет отработал учителем и заместителем по учебно-воспитательной работе медицинского учи-

лища, а перед самым выходом на заслуженный отдых в 1989 году почти пять лет — учителем математики в детском доме.

После выхода на пенсию («покой нам только снится») окупился в кипучую общественную работу: в 1994 году основал в городе отделение общества «Мемориал» и почти четверть века являлся его руководителем.

20 октября 2000 года благодаря усилиям Василия Ильича в Краснокамске был открыт единственный в Пермском крае общественный мемориальный музей истории политических репрессий, в котором Василий Ильич провёл около двухсот занятий с учащимися школ города по истории репрессий в Советском Союзе, Пермском крае и Краснокамске. В музее собран богатейший документальный материал, представляющий огромную культурно-историческую и документально-краеведческую ценность.

По инициативе Василия Ильича в Краснокамске установлены пять мемориальных досок в честь незаконно репрессированных первых руководителей краснокамских предприятий и организаций, а также Героя Советского Союза В. М. Кузьмина; сооружён памятник жертвам политических репрессий, его открытие состоялось 30 октября 2003 года. Ежегодно у памятника в День памяти жертв политических репрессий проводится митинг.

Василий Ильич не устаёт повторять: «Сколько в человеке памяти, столько в нём Человека». Да, Человека с его способностью сострадать, помогать, врачевать тяжкие душевные раны, вразумлять духовно других людей. Этот афоризм — камертон всей судьбы Василия Ильича, память которогоместила тысячи и тысячи трудных судеб своих земляков.

Сколько благодарных записей хранит книга отзывов Краснокамского музея истории политических репрессий! Вот некоторые из них:

Захожу в музей, как в лагерные ворота. Со стен глядят на меня лица первых руководителей города — ни в чём не повинных жертв сталинских репрессий. Здесь нет выдуманных сюжетов и выдуманных героев. Здесь всё правда, только правда.

Р. Лузин, врач-рентгенолог

Уважаемые краснокамцы — достойные представители международного «Мемориала». Примите слова искренней признательности и уважения за вашу кропотливую исследовательскую и просветительскую работу. Материалы вашего музея пробуждают Совесть, Душу и Разум. Горжусь вами.

Т. И. Марголина, уполномоченный по правам человека в Пермском крае

Увиденное и услышанное нас потрясло. Трудно переоценить значимость работы, которую ведёт директор музея В. И. Докукин и активисты музея. Низкий вам поклон.

Библиотекари Центральной Краснокамской библиотеки.

Василий Ильич! Спасибо за музей и рассказ о нём. На таких, как Вы, Россия держится.

Н.А. Князева, доцент Пермского педагогического университета.

А вот одна из последних записей 2017 года:

Мы приехали в Краснокамск в поисках следов своего репрессированного деда Цвылёва Владимира Петровича. В материалах музея сколько изломанных судеб, сколько невинно пострадавших людей! Этот ужас не должен повториться. Мы должны знать историю своего народа. Спасибо тем, кто вносит свой вклад в её восстановление и изучение. Спасибо Вам, Василий Ильич! Здоровья Вам и долгих лет жизни. Пусть живёт этот музей. Это важный вклад не только в прошлое, но и в будущее России, мира.

С уважением,

Е. С. Симонова, учитель, г. Москва, И. Б. Солдатенкова, врач, г. Екатеринбург.

Несмотря на преклонный возраст, Василий Докукин продолжает активную творческую жизнь. Без высокопарных фраз, просто и доходливо Василий Ильич написал о великом подвиге простого народа, сумел создать в биографической поэме «Деревенька моя» и других своих поэтических произведениях эпическое полотно с портретами нескольких поколений своих земляков.

Каждая грань его творчества — лирическая, эпическая, публицистическая — надолго захватывает в плен, заставляет задуматься о фундаментальных основах жизни людей, каждого человека. Василий Докукин — самобытный автор. Его уважают и ценят за мужество, скромность, целеустремлённость в осознании своей миссии на земле, возложенную на свои плечи ответственность за неё, а также за доброе, бережное отношение к окружающим людям, к родной природе, к самой жизни.

Секрет его жизнелюбия, работоспособности, успешности во всех делах, удивительно тонком восприятии красоты в людях, в природе хорошо известен друзьям: он в хранильнице общего очага, супруге — Марии Владимировне Докукиной, с которой они вместе живут душа в душу со студенческих лет. Среди других наград в гостеприимном доме Докукиных бережно хранится медаль «За любовь и верность» с отчеканенными фигурами святых Петра и Февронии. В День города 8 июля 2013 года супругам Докукиным была вручена эта медаль и грамота «За крепость семейных устоев, основанных на взаимной любви и верности, за многолетнее сохранение и приумножение семейных традиций, являющейся основой возрождения авторитета семьи в российском обществе, исторической преемственности поколений, воссоздания здоровья нации».

Галина Палкина-Ведова

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ЮБИЛЯРЫ ЯНВАРЯ

Правление Пермского «Мемориала» от души поздравляет юбиляров — мемориальцев, бывших репрессированных и их родственников, которые отмечают круглые даты.

Галине Фёдоровне Станковской, первому директору Государственного архива по делам политических репрессий Пермской области (ГАДПРПО), существовавшего с 1993 по 2001 годы, 20 декабря исполнилось 80 лет.

Елена Михайловна Сыропятова из Полазны родилась буквально одновременно с новым, 1938 годом — 1 января. Семья, в которой росла Елена Михайловна, была большой и дружной, несмотря на то, что ей выпали на долю тяжёлые испытания: все они, от мала до велика, стали жертвами репрессий и были сосланы в спецпосёлок «Верх-Добрянка».

В этот же день родились и **Раиса Николаевна Корсакова**, и **Сергей Егорович Красносельских** (оба — из Кировского района Перми), а **Валентина Васильевна Моисеева** (тоже из Кировского района) в первый день нового года отмечает 85-летие. **Василий Васильевич Осипов** из Орджоникидзевского района 1 января отметил 90-летие.

Восьмидесятилетие отмечают **Елена Павловна Гершко-**

вич (24 января) из Ленинского района Перми, **Вера Петровна Пьянкова** (15 января) из Свердловского района, **Эмма Ильинична Печонкина** (9 января) и **Анна Константиновна Хорькова** (30 января) из Мотовилихи, **Нина Сергеевна Потеряева** (31 января) и **Валентина Яковлевна Петрович** (21 января) из Дзержинского района. В Кировском районе 80-летие отмечают **Ирина Борисовна Никоровская** (9 января) и **Елена Ивановна Смирнова** (3 января).

Владимир Михайлович Москвин из Дзержинского района (21 января) и **Борис Ильич Карнаузов** (17 января) из Свердловского района празднуют 85-летие.

90 лет исполняется **Нине Петровне Игнатъевой** (2 января) из Ленинского района, **Нине Ивановне Кузнецовой** (27 января) из Мотовилихи, **Зое Григорьевне Климовой** (8 января) и **Юлии Николаевне Кузнецовой** (23 января) из Свердловского района.

Жительница Свердловского района Перми **Нина Ивановна Шилова** 30 января отметит 95-летие, а **Ивану Яковлевичу Ловикову** из Кировского района 20 января исполняется 98 лет!

Живите долго и будьте счастливы!

